

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Прекрасный сфинкс»
Голливуда

Трета
Тарбо

Грета Гарбо
Грета Гарбо. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317718

Грета Гарбо. Жизнь, рассказанная ею самой: Юза-пресс; М.; 2013

ISBN 978-5-9955-0578-5

Аннотация

Уйдя из кино в возрасте 36 лет, ГРЕТА ГАРБО полвека провела в затворничестве, не появляясь на публике и не давая интервью, воплотив в жизнь свою любимую фразу «Больше всего я хочу, чтобы меня оставили в покое». Что заставило величайшую звезду Голливуда так круто поменять свою судьбу? Почему первая красавица эпохи, чьи черты были столь совершенны, что ее можно было фотографировать с любого ракурса и при любом освещении, а фигуре могли бы позавидовать античные богини, спряталась от миллионов поклонников за темными очками, запертыми дверьми и задернутыми шторами? Что за опасные тайны скрывались в ее прошлом, какие травмы, какие «скелеты в шкафу»? Более полувека все эти вопросы

оставались без ответа – пока не вышла данная книга, в которой самая загадочная звезда Голливуда, прозванная «ПРЕКРАСНЫМ СФИНКСОМ», настолько она была совершенна и недоступна, впервые нарушила заговор молчания и распахнула душу настежь, предельно откровенно рассказав о своей жизни, где было всё: нищее шведское детство, так и не законченная школа, трудная дорога в Голливуд, неожиданный успех, всемирная слава, 15 лет непрерывных съемок, репутация «женщины-вамп», роковой соблазнительницы и «пожирательницы мужчин», самые завидные поклонники и возлюбленные, премьер-министры, принцы и миллиардеры у ее ног, череда сексуальных скандалов, побег из-под венца, роман с геем, «жизнь втроем» с семейной парой, колоссальные гонорары и многомиллионное наследство... Да, в жизни Греты Гарбо было всё – кроме простого женского счастья...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Зачем писать...	7
От Кеты Ловисы Густафсон к Грете Гарбо	13
Мои Пигмалионы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Грета Гарбо
Грета Гарбо. Жизнь,
рассказанная ею самой

© ООО «Яуза-пресс», 2013

* * *

Зачем писать...

Умерла Валентина...

Скоро моя очередь. Я не паникую, ни о чем не жалею, не боюсь. Бояться и жалеть поздно.

Валентина Шлее грозила опубликовать свои воспоминания. Она не Мерседес и не Битон, чтобы рискнуть сделать это при жизни, хотя едва ли боялась моего гнева, скорее наоборот. Но если не опубликовала при жизни, значит, приготовила бомбу, которая взорвется после нее.

Мне ли бояться чьего-то осуждения? Я живу, избегая любого внимания. К тому же мне так много лет, что насладиться вылитой на меня грязью недоброжелатели все равно не успеют. К чему же тогда писать?

Мерседес отдала музею нашу с ней переписку с условием, что опубликуют через десять лет после смерти той из нас, кто проживет дольше, то есть моей, ее самой давно нет на свете. Но публикации писем я не боюсь, в них ничего страшного, куда больше гадости она могла сказать лично (и сказала!).

Интересно, какие условия у Валентины? Тоже десятилетие после моей смерти, или она постарается уничтожить меня при моей жизни?

Как же это глупо – сводить давние счета тогда, когда человека уже нет в живых!

Когда-нибудь Грету Гарбо забудут, останутся только лица

на экране. Но это и есть Грета Гарбо, потому что Грету Ловису Густафсон знал мало кто, даже все мои возлюбленные. Всем нужно мое лицо, сначала молодое и красивое, теперь постаревшее для сравнения. Ату ее, у нее появились морщины! Словно можно дожить до восьмидесяти, не прибегая ко всяким операциям по подтяжке кожи, и не иметь при этом морщин.

Оставьте меня в покое, не просите автографы и советы, как жить, не показывайте пальцем на улице и не глазейте, и я спокойно проживу остаток лет, ни о ком не вспомнив плохо! Внешняя популярность – это беда для очень многих, я знаю немало известных людей, кто страстно желал бы скрыться от людского любопытства, как и я, желал, чтобы его оставили в покое.

Когда-то Битон сказал, что если бы я сама рассказывала все, что интересует публику, позволяла себя фотографировать, то меня преследовали меньше. Это не так, просто я бы значительную часть своей жизни тратила на общение с репортерами и фотографами и раздачу автографов любопытным. Нет, я прожила так, как прожила, и теперь поздно думать, как было бы лучше.

Меня много раз предавали даже те, кому я доверяла, рассказывая всему свету то, что является моим личным, особенно эти двое – Мерседес де Акоста и Сесил Битон.

О чем думал Сесил, когда публиковал такие «воспомина-

ния» обо мне: «...она даже не в состоянии читать... по этим причинам она неспособна развиваться как личность... она несносна, как инвалид... из нее получилась бы занудливая собеседница... она суеверна и подозрительна, ей неизвестно значение слова «дружба», любить она тоже не способна...»?

Замечательно, не правда ли?

И вывод: «...мы создаем из нее идеал, которым она никогда не станет».

Весьма дружеская характеристика, если понимать под дружбой то, что понимал Битон.

Ему нужно мое тело и совершенно наплевать на душу. Разве человек, который любит или любил в прошлом, мог опубликовать такие слова о той, которую любил? Сказать и даже написать – да, можно пожаловаться друзьям, точно зная, что они никому не расскажут, но никак не растрюбить по всему миру!

Чем Сесил лучше Мерседес, расписавшей всем мое помешательство на диетах или жестокость по отношению к разным букашкам? И ведь наплевать на то, что на диетах я сидела не по своей воле, а по требованию студии, а в качестве примера «ужасного обращения» приведен случай, когда уничтожила не успевшего впиться в мою ногу клеща. Вероятно, клеща нужно было не сжигать, а пересадить самой Мерседес, чтобы заразить ее энцефалитом.

Я не жалею, что прожила большую часть жизни скрытно, жалею только, что раскрывалась вообще кому-то, нужно бы-

ло держать Сесила на расстоянии и меньше доверять Мерседес. А еще нужно было изменить внешность и имя, чтобы никто не знал, кто я, и жить в тихом итальянском городке или, наоборот, в шумном сумасшедшем Нью-Йорке, забавляясь фантазиями газет об исчезнувшей Грете Гарбо. Возможно, так поступил Элвис Пресли?

Когда-то я жила такой жизнью в Летоянни на Сицилии на вилле своего друга Гейлорда Хаузера под именем Гарриет Браун. Понимаю, что приятели Хаузера и его прислуга знали, кто я, возможно, знали и окружающие в Летоянни, но все старательно делали вид, что ни о чем не подозревают. Меня это вполне устраивало. Но однажды какой-то ретивый журналист все же пронюхал... Не представляю, как Хаузеру удалось его убедить, что моей ноги там никогда не бывало...

У Мерседес де Акоста была замечательная фраза, которую любят цитировать, что-то вроде «кто из нас принадлежит одному полу?».

Она права, очень многие в Голливуде и за его пределами не натуралы или бисексуальны, это касается и мужчин, и женщин. Но так было всегда, просто мораль и религия запрещали интерес к своему полу, не очень-то поощряя и интерес к противоположному тоже. Слишком откровенное высказывание? Наверное.

Когда-то сначала Стиллер, потом Эдингтон отучали меня высказываться откровенно вслух перед репортерами, а что-

бы я этого нечаянно не сделала, потребовали прекратить общение с прессой совсем.

Потом Мерседес и Битон своим предательством отучили высказываться откровенно даже среди друзей. Предать могут даже те, кому ты веришь безгранично. Пришлось замолчать окончательно и избегать всех.

Но здесь собеседник я сама, и я-то знаю, что не предаю сама себя. Эти записи не увидят свет при моей жизни, потому можно бы высказать все, о чем думаю. Одна сложность: за столько лет молчания и разговоров ни о чем я так привыкла держать в себе все – мнение, знания, мысли, что теперь очень трудно открыть рот даже перед чистым листом бумаги и излить накопившееся. Десятилетия отучили меня делиться с кем-либо своими мыслями, оказалось, что отучили доверять их даже бумаге.

И все же я попробую...

Совсем необязательно публиковать мои записи, достаточно просто написать, может, я справлюсь, и уста Сфинкса разомкнутся? Когда в кино пришел звук и я впервые снялась в звуковом кино, афиши пестрели фразами: «Сфинкс заговорил!» Голос понравился. Может, это не так уж страшно – открыто говорить о себе?

В конце концов, если не получится, то мой голос на бумаге никто не услышит, я вполне могу отправить записи в камин. А может, поступлю так несмотря на результат. Важней высказаться самой себе, потому что обо мне все равно

навыдумывают.

Однажды мне преподнесли книгу обо мне.

Смешно, как можно писать обо мне, меня не зная, просто перечислять факты? Конечно, факты говорят о многом, но как часто что-то случается вопреки нашим желаниям и мыслям. Гораздо важнее то, что внутри. Внутри я королева Христина, а играла кого? Христина не была Сфинксом, а Грета Гарбо была. Почему никто не желает видеть, что я столько лет играю Грету Гарбо? Может, Эдингтон был прав, делая упор на фамилию Гарбо, а не на сочетание Грета Гарбо?

Книгу я выбросила сразу. Понимаю, что этим нанесла смертельную обиду автору, но действительно выбросила ее за борт. Нельзя писать обо мне без меня. Я и сама о себе не смогу.

Ложь, все ложь! Если даже эти двое – Мерседес и Битон, которых я любила и считала верными друзьями, оболгали, то чего же ожидать от тех, кто пишет обо мне ради заработка?

Я могла бы сказать всем читателям:

– Не верьте ничему написанному обо мне. Никто, даже я сама не знаю до конца, где проходит граница между выдуманной Стиллером и Эдингтоном Гретой Гарбо и настоящей Гретой Ловисой Густафсон. А эта граница очень важна. Если я сама не смогу ее найти, то остальным и пытаться не стоит.

От Кеты Ловисы Густафсон к Грете Гарбо

Сказка о Золушке, получившей от доброй феи вместо хрустальной туфельки фотогеничную внешность, самые длинные в мире ресницы и идеально симметричное лицо, настолько прочно срослась с моим именем, что скажи иное, никто не поверит.

Но я не буду ничего опровергать, да и зачем? Да, мы с сестрой и братом унаследовали отцовскую внешность, большие глаза, симметричные черты лица и длинные ресницы, но только мне посчастливилось это использовать.

Иногда я задумывалась, что было бы, получи я от матери ее курносый нос и маленькие глазки? Ничего не было, жила бы себе дальше девушка с неинтересной крестьянской внешностью, бегала к театру поглазеть на более удачливых, тех, на кого природа расщедрилась, подарив красивую внешность, работала в магазине или еще где-то... Вышла бы замуж и нарожала детей? Наверное... Тянула свой воз, ненавидя всех и все...

У меня крестьянские корни, это известно всем. Скандинавская Золушка дочь даже не королевского лесника, а простого шведского фермера Карла Густафсона, приехавшего в Стокгольм со своей молодой женой Анной в надежде на свет-

лое будущее. Светлое будущее выразилось в тяжелой работе, постоянной борьбе с бедностью, большой, но мрачной квартире, крепкой семье – сыне и двух дочерях – и смерти от тяжелой болезни в сорок восемь лет.

Я не знаю, что именно люди считают счастьем. Если прочную семью, то отец был счастлив, потому что даже постоянная бедность на грани нищеты не рассорила родителей. Когда отец серьезно заболел, угроза нищеты стала реальной. Что я помню из детства? Постоянный страх, что случится какая-то беда, что что-то обрушит нашу жизнь окончательно. Почему-то этот страх особенно давил дома, возможно, из-за него я пристрастилась к прогулкам в одиночестве.

У меня была подружка Л., обожавшая во время пеших прогулок заглядывать в чужие окна. Шведы не закрывают окон тяжелыми гардинами, как в Европе и Америке, их жизнь открыта, а на окне к тому же почти обязательно стоит зажженная свеча. Это не глупость и не национальный каприз, просто в Швеции слишком мало солнца, особенно зимой, не хочется закрываться от него еще и шторами, а свечи давний символ, показывающий мужчинам, которые уехали или уплыли надолго, что дома их ждут...

Л. любила разглядывать эту самую жизнь, особенно в районах богаче нашего, мечтая, что и у нее когда-то будет состоятельный муж, прислуга, большой дом... Я о таком не мечтала, мне больше нравилось просто ходить по улицам, думая о своем. О чем? Честное слово, даже не помню, про-

сто думать... Нравилось надевать одежду моего брата Свена и изображать из себя мальчика. У меня мужская фигура с широкими плечами, небольшой грудью, большими ногами и руками, потому какое-то время прикидываться мальчиком удавалось.

Вообще, изображать кого-то – это же так интересно!

Впервые игру актеров я увидела лет в двенадцать, поразило, что можно прожить отрезок чужой жизни, а потом снова вернуться в свою собственную. Это казалось волшебством, а сами актеры сродни волшебникам. Ретивые журналисты придумали, что я видела себя актрисой даже во сне. Нет, не видела, я слишком застенчива, чтобы даже во сне представлять себя на сцене перед сотнями зрителей.

Денег на походы в театр не было, да мама и не поддерживала такой крамольный интерес, потому приходилось глазеть на театральных небожителей у самого театра.

Я видела, как к служебному входу проскальзывают, стараясь быть неузнанными, актеры и актрисы, а чуть позже к парадному подъезжают и подходят состоятельные и не очень стокгольмцы. Завидовала? Наверное, причем и тем, и другим. Одним – за возможность и способность ежевечерне выходить на сцену, вторым – за то, что могут на игру смотреть.

А дома всегда одно и то же: страх перед возможной нищетой. Чтобы как можно меньше покупать продуктов, обрабатывали свой огород (сказывалось и крестьянское прошлое родителей), экономили на всем, но как уберечься от ударов

судьбы?

Говорят, беды преследуют прежде всего тех, кто их ждет. Мы очень ждали беду, веселая, бойкая, жизнерадостная мама словно предвидела, что случится. Мне было четырнадцать, когда отец слег, и с ним понадобилось сидеть дома. Я не слишком блистала в школе, потому было решено, что пожертвую именно моей учебой, что, честно говоря, больших возражений не вызвало. Чтобы хорошо учиться, нужно быть куда менее застенчивой, чем я. К тому же, мысленно витая далеко от класса и занятий, я едва ли могла успевать за всем, что объяснялось и требовалось в классе.

Зато с отцом куда интересней. Конечно, девочке-подростку трудно ухаживать за больным, причем смертельно больным человеком. Не физически тяжело, а морально. Беседовать с отцом, сознавая, что не можешь облегчить его боль, не можешь помочь, а еще – что его конец близок. Это была та самая беда, которой так боялись в нашей семье, предчувствие которой не давало мне спать ночами, заставляя метаться по квартире с заломленными руками. Трагизм предчувствия позже очень помог играть именно такие роли: в которых требовалось прочувствовать перед камерой (не только показать, а именно прочувствовать) будущую трагедию, приближение трагической развязки.

Потеря кормильца в нашей семье произошла не тогда, когда отец умер, а раньше, когда он слег. Никакое чтение любимых книг и долгие беседы не могли спасти отца, ему требо-

валось настоящее лечение, денег на которое в семье не было.

Говорят, тогда я поклялась себе, что стану богатой во что бы то ни стало.

Конечно, не клялась, но твердо усвоила одно: нужно сделать все, чтобы деньги были. Нет, не красть, не предавать, не убивать, нужно работать. Где и как, пока не понимала, хотя уже понимала, что не всякая работа приносит достаточный доход. Одно я знала точно: я буду копить, чтобы в конце своей жизни не умирать вот так, беспомощно и будучи обузой родным.

Прошло ровно семьдесят лет, и я страдаю от болезни почек и легких. Наверное, это наследственное, ведь моя сестра Альва тоже умерла от туберкулеза и рака, причем совсем молодой.

Я немало работала, еще больше копила, не швыряла деньги на удовольствия и просто так, средства, которые у меня есть, позволяют получать любую врачебную помощь, но никакой лучший госпиталь не способен восстановить мои почки, можно только продлить мучения.

А еще у меня нет дочери, которая могла бы сидеть рядом, развлекая чтением книг и беседами, как когда-то я отца. Конечно, племянница Грей и ее дети меня не бросят, но я не привыкла кого-то обременять, особенно в последние годы.

Я всегда экономила, даже тогда, когда уже была богата. Однажды банк, в котором я держала все свои сбережения, прогорел, это научило не складывать деньги в кубышку, а

вкладывать их в дело, в недвижимость или коллекции предметов искусства. Меня часто и много укоряли за скопидомство и нежелание тратить деньги, так же как других ругают за расточительство. Да, я очень не люблю тратить деньги, зато своим родным оставляю немалую сумму. И Грей завещаю распродать все со мной связанное, чтобы выручить как можно больше на посмертной славе. Пусть не стесняется, мне уже будет все равно, а им прибыль. Те, кто хлебнул нищеты, дорожат прибылью...

А критикам все равно, будешь тратить – скажут транжира, будешь копить – назовут скопидомкой. Я давно научилась не подстраиваться под мнение прессы, живя своей жизнью. Если бы еще они оставили меня в покое!

Кетой меня прозвали дома из-за неумения совсем маленькой выговорить «Грета».

– Как тебя зовут?

– Кета...

А Ловиса или Луиза – это как маму, она тоже Ловиса, Анна-Ловиса.

Что я вынесла из детства? Любовь к одиночеству, страх перед бедностью и желание вырваться из этого круга и вытащить из него родных. Хорошо запомнила одно: на счету должна лежать приличная сумма, чтобы в трудную минуту не бедствовать. Я не была приучена к мотовству, напротив, мы всегда экономили, считали каждое эре, выращивали на

огороде все, что можно было вырастить и сохранить в Стокгольме, даже детьми подрабатывали в лавке.

Газеты много глупостей писали о нашей маме, якобы она была сущим деспотом, держала детей в черном теле и заставляла много работать вместо учебы. Да, в нашей семье правила мама, бойкая, веселая, живая, она просто не могла быть позади меланхоличного молчаливого отца. Я удалась в папу, предпочту промолчать, посидеть в углу, страшно не люблю, когда на меня обращают внимание незнакомые люди, потому терпеть не могу, когда на улице просят автографы. Наверное, так же чувствовал бы себя и отец.

Да, мама не позволяла нам лениться, но не только нам, они с отцом тоже не сидели сложа руки, сама мама всегда была при деле, к тому же родители вовсе не считали учебу чем-то необязательным, напротив, каждое лишнее эре вкладывалось в наше образование. Дело в том, что этих эре просто не было, а уж когда отец заболел серьезно, так и вовсе не осталось.

Разве можно осуждать маму, если ей просто не на что было кормить семью, лечить умиравшего отца и платить за квартиру? Мы никогда ее не осуждали и никогда не говорили никаким репортерам о ее деспотизме. Если что и появилось в прессе, то самовольно, это их фантазия, которая меня очень расстраивала. Я всегда представляла, что мама откроет газету и прочитает эти глупости о себе. Как ей объяснить, что это не мои слова?!

Сначала казалось, что я нашла выход – вообще не давать никаких интервью, что означало бы, что любые сведения обо мне правдой могут и не являться, или вообще вынудило бы репортеров оставить мою личную жизнь в покое. Но не тут-то было! Никакой отказ общаться с прессой не заставил репортеров обсуждать только мои роли, но не меня саму. Небылицы продолжали рождаться и развиваться независимо от моего собственного желания или нежелания говорить даже тогда, когда я перестала сниматься в фильмах совсем.

В детстве я была больше похожа на маму, но только внешне, характер папин во всем – в застенчивости и нежелании быть на виду, в меланхоличности и любви к одиночеству, в нежелании жить бурной, беспокойной жизнью... Внешне же лет до шестнадцати у меня были мамины выпуклые щеки, нависшие верхние веки, почти кругленькие глаза и даже ямочка на подбородке... Хорошенькая? Наверное, но такая неуклюжая и застенчивая! Мечтательница, похожая на мальчика, безо всяких женственных форм, которые так и не появились, с большими кистями рук и ступнями.

Потом что-то произошло, и я стала стремительно меняться, перерастая и становясь похожей на папу внешне. Мамины у меня ресницы – длинные и загнутые, хотя и папа обладал такими же.

Кто тогда мог подумать, что плотная, крупная, страшно неуклюжая от застенчивости (или застенчивая из-за неук-

люжести?) девочка с большими ступнями и кистями рук, не способная не только выдать из себя лишнее слово, но и норовившая забиться в уголок при любой возможности, станет актрисой, голливудской звездой... вообще кем-то станет.

Я не мечтала стать актрисой, просто не могла об этом мечтать. Как можно мечтать о том, о чем не имеешь понятия, о том, чего вовсе не знаешь? Видела ли рекламу? Конечно, видела, но это был совсем иной мир, существовавший сам по себе, вдали не только от серых стен нашего дома, но и от жизни вообще, он был за пределами моих мечтаний.

Дети и взрослые мечтают по-разному. Дети мечтают романтично: о парусах, наполненных ветром, о старинных замках, о каретах, балах, битвах с драконами... Это настоящие мечты, почти наверняка недостижимые и потому особенно прекрасные.

Взрослые уже знают, что драконы давно вымерли, карета в полночь превратится в тыкву, в старинных замках по коридорам гуляют сквозняки и очень неудобно жить, а таке-лаж парусников на ветру страшно скрипит и с ним до кроватных мозолей тяжело справляться... Взрослые мечтают прагматично: о новой машине, об удобном доме, хорошей работе... ну, может, еще о встрече с красоткой или красавцем, правда, не загадывая дальше короткого бурного романа (куда потом девать эту красотку или красавца, когда влюбленность пройдет?)...

Я мечтала, но только не о том, чтобы стать звездой. В мыс-

лях представляла себя актрисой, выходявшей на сцену, и тут же понимала, что ничего этого не будет, потому что появлялось желание спрятаться от чужих глаз.

Если я кем-то и стала, то только потому, что... инертна! Да-да, меня просто взяли за руку и привели в кино, а потом так же за руку отвели в звезды. Я хорошо делала свою работу – проживала перед камерой кусочек чужой жизни, той самой, которой никогда не бывает в действительности, независимо от отсутствия в фильмах драконов и парусников. Со мной согласятся все: Голливуд начала XX века создавал сказки, даже если декорации были современными. Недаром его прозвали «фабрикой грез».

Я никогда не смогла бы играть на сцене, дело в том, что в кино я снималась перед узким кругом присутствующих, иногда вообще требовала, чтобы никто не смотрел, как я превращаюсь в другого человека. Только поэтому получалось, играть для большого зала никогда бы не смогла. Мои фильмы были камерными, в них много именно таких сцен, только это и позволило не сбегать с площадки.

Мою природную застенчивость часто принимали за желание поднять цену, за очередную игру. Но это так, я патологически застенчива. Застенчивая звезда... кто же в такое поверит? Не верили, преследовали с фотоаппаратами, считая, что мои старания спрятаться от объективов тоже часть игры. Нет, Грета Гарбо не играла Грету Гарбо, я действительно такая.

Когда отца не стало, мне было всего четырнадцать, но в школу я больше не вернулась, пришлось зарабатывать на жизнь.

Кем может работать не слишком грамотная, ничего не умеющая девочка, даже выглядящая старше своих лет? В парикмахерской я убирала стриженные волосы и взбивала пену для бритья. Рослая, с большими руками и ногами девочка своей неуклюжестью страшно раздражала всех, это только добавляло стеснительности и той самой неуклюжести.

О, эта мыльная пена! Ее нужно взбить быстро и тщательно, чтобы получилась равномерной. Я могу прочесть целую лекцию о том, как взбивать и наносить пену на лицо клиенту, как потом держать опасную бритву или делать компресс. Конечно, мне никто не доверял ни саму бритву, ни компрессы, но взбить устойчивую пену тоже мастерство...

Пока браздобрей делал компресс клиенту, я должна была растворить мыло или крем для бритья и превратить их в однородную массу. В зависимости от того, что за клиент садился в кресло, бралась чашка для мыла или просто деревянная тарелка, помазок из свиной щетины или барсучьих волос, а также мыло попроще или душистый крем. Не дай бог перепутать! Угроза потери клиента или даже его недовольства из-за неловкости или невнимательности девочки с помазком в руках не являлась чем-то надуманным.

Конечно, в нашей парикмахерской особо важных клиен-

тов не бывало, но тем вероятней оказывалось их возмущение при одном подозрении о такой невнимательности. Дома умывались небось чем попало, а в парикмахерской требовали обслуживания «с полным пониманием».

Мы понимали. Для самых капризных помазки только барсучьи, движения руки, взбивающей крем, плавные и по часовой стрелке, воды ровно столько, сколько нужно, чтобы с помазка не капало, температура воды выдержана... Ерунда, потому что вода остывала, барсучьи волоски в помазке могли оказаться собачьими (кто их разберет?), оставалось придраться только к плавности движения моих рук.

Была еще одна сложность: моя почти мальчишечья фигура надежно скрывалась под большим нелепым рабочим халатом, на виду только лицо, неизменно привлекавшее внимание клиентов своей молодостью.

Мужская парикмахерская не для девочек, тем более в четырнадцать выглядящих на восемнадцать. Я была рада, когда сестра Альва нашла мне другое место – в шляпном отделе универмага «Паб», что неподалеку от Оперного театра. Бегать смотреть на актеров и зрителей, как я надеялась, не получалось, можно потерять работу, а этого допустить нельзя. Во-первых, нужно на что-то жить, во-вторых, мне понравилась сама работа, вернее, даже не она, а возможность демонстрировать новые фасоны шляпок на своей голове.

Нет, мне не давали их носить, но владельцы универмага решили сэкономить и не стали нанимать профессиональных

фотомоделей для рекламы, рассудив, что можно обойтись и собственными продавщицами. Хорошеньких девушек в универмаге немало, увидеть свое лицо на рекламных плакатах, даже не получив за это ни эре, пожелали многие, но удалось не всем.

Я ни на что подобное не рассчитывала совсем. Стеснительная, державшаяся в тени своих более активных подруг, к тому же страшно неуклюжая, даже ужаснулась, когда мне предложили:

– Грета, ну-ка, примерь и ты?

Сначала произошло то, что и в парикмахерской, для снимков шляпок важна головка и лицо, но вовсе не фигура, а мне самой продемонстрировать то, что я заведомо не могла себе купить, понравилось. К тому же это возможность изображать леди...

Случилось и второе, самое важное чудо: быть красивой и фотогеничной не одно и то же, можно иметь изумительное лицо, но на снимках или экране выглядеть дурнушкой, и наоборот. Мое лицо даже тогда, еще совсем не оформившееся, с пухлыми щеками и широким носом, на пленке удивительным образом выходило взрослым и отточенным. Фотографии с демонстрацией шляпок получились прекрасными. Пять из них действительно использовали в качестве рекламы. Мне еще не исполнилось шестнадцати.

Первый заработок!..

К нему почти сразу добавились деньги за съемки уже в

рекламных роликах. Альва тоже снималась и фотографировалась. Думаю, если бы она не умерла так рано от болезни легких и рака, то смогла стать куда более знаменитой актрисой, чем я.

Двадцать крон за ролик для нас, экономивших каждое эре, были сумасшедшими деньгами. Почти богачки... Тогда мы сумели сделать маме подарок, о котором она не могла и мечтать, – золотые украшения! Пусть это была позолота, пусть низкопробная, но уже излишество, которое мы могли себе позволить. Я никогда не гонялась за драгоценностями, не считала, что «лучшие друзья девушек – бриллианты», и мама тоже. Даже когда я стала уже богатой и смогла забрать ее в Нью-Йорк, обеспечив всем, она не обвешивала себя золотом и не швыряла деньги на ветер, сказывалась многолетняя привычка экономить. Но покупка золотых безделушек после стольких лет бедности была символом того, что нам удастся вырваться из этой самой бедности.

Ради красного словца журналисты придумали мою «страшную клятву» у постели умирающего отца, мол, как и Скарлетт О'Хара, я дала себе слово, что обману, украду, убью, но голодать не буду! Никто не задумался, что в то время мне было всего четырнадцать, и настоящей цены деньгам я еще просто не знала, а уж о том, чтобы обмануть, украсть или убить ради них, вообще помыслить не могла. Не было клятвы, но было понимание, что деньги значат много.

Иногда они действительно значат слишком много.

Следом за рекламой шляпок начались съемки в рекламных роликах иногда с совершенно дурацкими названиями и темами, например, «Как не стоит одеваться». Кому пришло в голову снимать такой ролик, не знаю, но я с удовольствием изображала вполне целомудренное переодевание из одного нелепого наряда в другой. Я не отличалась стройной фигурой, потому мешковатые пальто, которые набрасывали мне на плечи, оказались вполне подходящим антуражем.

Что такое большие деньги, я узнала раньше, чем научилась их зарабатывать. Обычный путь хорошенькой простушки? Возможно...

Много ли усилий нужно, чтобы, будучи отъявленным ловеласом и имея большие деньги, совратить глупенькую девчонку? Представляю, какой визг поднялся бы, признайся я журналистам в том, что меня на шестнадцатом году жизни соблазнил красавец М.Г. Что ужасного, кроме моей юности? М.Г. был много старше и богат.

В действительности ничего безобразного в этом не было. Макс никогда не обещал мне главного – замужества, если я о нем и мечтала, то лишь по собственному почину. Не мечтать не могла, потому что не представляла, как можно девушке заработать самой на жизнь.

К обеспеченной жизни имелись три пути: замужество, торговля своим телом или дорога в актрисы. Второй отпадал сразу, пуританское воспитание в семье давало себя знать, за

него я благодарна маме. Чтобы стать актрисой, требовалось нечто большее, чем у меня тогдашней, кроме хорошенького личика нужна стройная фигура и талант. Стройностью я не отличалась, сказывались деревенские корни родителей, никакой аристократической бледности, наоборот, «кровь с молоком» и здоровая крестьянская упитанность. Да еще и страшная застенчивость и зажатость...

Оставалось замужество.

Только такая наивная дурочка, какой была тогда я, могла искренне верить, что аристократ М.Г. женится на девушке, которой приходилось вместе с семьей обрабатывать огород, чтобы хоть как-то прокормиться. Мои успехи в рекламе шляп тоже большими не назовешь. Несколько фотографий и рекламных роликов способны скорее отвратить от меня, чем привлечь. Да, хорошенькая, да, не испорченная, но деревенская простушка без образования и приличных манер, о деньгах и говорить не стоит.

И все же я благодарна Максу, он показал мне другой мир, в котором мужчины дарили своим возлюбленным богатые подарки, а не тискали их в знак приязни в углах. Я узнала, что такое роскошь, не по кадрам из фильмов или подглядыванию в окна домов, а воочию. Нет, М.Г. не представлял меня своей семье и не выводил в свет как невесту, на это не стоило и надеяться, но он был внимателен и добр. Влюбиться в красивого, умного и богатого аристократа нетрудно и более изысканной девушке...

Конечно, маме совсем не нравились наши с М.Г. отношения, какой же матери понравится? Она лучше меня понимала, что никакого замужества не будет, что это лишь временная связь, а закончиться может все очень плохо. Назревал скандал, я ушла жить в особняк к М.Г.

Никому и никогда не рассказывала и впредь не намерена этого делать, каково жить в особняке богача молоденькой дуручке, втайне мечтавшей стать там хозяйкой. Как смотрят на такую самозванку слуги, как приходится сидеть в своей комнате, если появляются гости. Игрушка...

М.Г. был очень добр и щедр, он и желал бы жениться, но это означало испортить самому себе репутацию и отношения со многими. Теперь, по прошествии стольких лет, я прекрасно это понимаю. Деревенскую девчонку, пусть даже родившуюся в Стокгольме, но в бедном районе, ни за что не приняли бы в его круге даже в качестве супруги богатого М.Г. А деловые и дружеские отношения связаны неразрывно. Думаю, то, что я не вынудила М.Г. на себе жениться, очень хорошо, испортила бы жизнь и ему, и себе, потому что скоро начались ссоры. Из меня, как оказалось, можно сделать леди, но для этого нужно стать Пигмалионом, а Макс этого не желал и не сумел бы.

Несомненно, как порядочный человек, Макс не раз задумывался над моим будущим. Что со мной делать дальше, ведь постоянно наши отношения продолжаться не могли.

– Чего ты сама хочешь, Грета Ловиса?

Конечно, я хотела за него замуж, но как об этом скажешь?
– Стать актрисой.

Никогда не забуду почти жалостливый взгляд М.Г. Актрисой хочет стать девушка столь неуклюжая и зажатая, что предпочла бы и на сцене стоять в углу, не привлекая к себе внимания? Нелепость данной мечты была Максу очевидна, но не отказывать же мне еще и в этом?

На мое счастье, какой-то из рекламных роликов попался на глаза режиссеру мини-фильмов с пустейшим содержанием Эрику Петшлеру, который разглядел актерские задатки у толстушки Греты Ловисы. Я всем сказала, что получила стипендию на учебу в «Драматене» за свой «талант» и что сумела поступить в студию, несмотря на большой конкурс (более 10 человек на одно место). Все поверили или сделали вид, что поверили. Как и в то, что Петшлер ходатайствовал за меня перед бывшим директором Театральной Королевской академии, а тот даже прослезился от моих дарований...

Теперь, когда М.Г. уже столько лет нет с нами, можно хотя бы так признаться, что это он щедрой рукой оплатил не только мое обучение, но, кажется, и поступление тоже. Задатки задатками, но были куда более талантливые претендентки. Хорошо, что в 1922 году я просто этого не понимала, иначе совесть замучила бы.

С Максом мы остались в дружеских отношениях, позже он не раз выступал моим финансовым консультантом и даже

снова твердил о своем желании на мне жениться. Но нельзя дважды войти в одну реку: став богатой и знаменитой, я стала другой, совсем другой... Я благодарна ему за помощь в решающий момент. Таких решающих было немало, позже мне еще не раз помогали. Но как иначе выбиться наверх девушке из бедного квартала Стокгольма?

«Драматен», наряду с Королевской оперой, самый почитаемый театр в Швеции, думаю, не только в ней. Учиться в его студии означало наверняка стать настоящей актрисой. Блестящие преподаватели, новые, ранее невиданные методики наряду с прежними, испытанными временем...

Но мне очень мешало отсутствие всякого образования.

– Грета, ты мечтаешь сыграть Марию Стюарт?

– А кто это?

Мгновение в комнате стоит мертвая тишина, а потом раздается дружный хохот...

Это превратилось в расхожую шутку, как и мой ответ на вопрос о том, когда родился Стриндберг:

– Зимой.

Я помнила, что где-то читала, как сам Стриндберг говорил о снеге в день его рождения. Мне и в голову не пришло, что нужно назвать 1849 год.

Конечно, я была невозможно необразованна, да и где набраться знаний, в парикмахерской, взбивая мыльную пену, в лавочке или при демонстрации шляп? В нашей парик-

махерской клиенты разговоров об эстетике произведений Стриндберга не вели, в лавочке, где я помогала наводить порядок после дня торговли, тем более, и в шляпном отделе универмага тоже. М.Г. в голову не приходило заниматься моим образованием, для Макса я была хороша и такой.

Позже я пыталась наверстать то, что не получила в детстве и юности, очень много читая, но из-за стеснительности и неуверенности никогда не могла демонстрировать свои знания. Даже Битон, не раз удивлявшийся моему знанию поэзии и литературы, смог заявить, что я ничего не читаю.

Что такое студия «Драматена» 1922 года? В театрах актрис хватало, нас готовили, скорее, для кино. Студии, штамповавшие фильмы, росли как грибы после дождя. Но кино-то немое! Все эмоции требовалось выражать жестами, движениями, проигрывать мышцами лица.

Мы просто штудировали системы ритмичного движения Дельсарта и Далькроза. Для тех, кто ничего о них не знает (есть же такие, кто, как я, не слышал о Марии Стюарт):

– француз Франсуа Дельсарт, живший в прошлом веке, изучал природу движения человеческого тела, разбив все движения на центробежные, центростремительные и нейтральные. Он считал, что только естественные, освобожденные от условностей жесты способны выразить чувства и красива только природная пластика. Он же разработал шкалу движений по аналогии с музыкальной;

– Эмиль Жак-Далькроз пошел дальше, он решил соединить пластику и музыку, заставлял своих учеников и последователей телесно проживать музыку. Одна из школ Жака-Далькроза была открыта и в Стокгольме. У него очень сложная и одновременно доступная и понятная система соответствия музыки мелодическим темам и голосам оркестровых инструментов.

Идея соединить музыку с пластикой, конечно, великолепна, яркий тому пример Айседора Дункан, Нижинский, Йосс... Только мне это не помогало абсолютно. Возможно, я просто бесталанна музыкально и пластически, но раскрепоститься в достаточной степени не удавалось, толстушка Грета оставалась неуклюжей.

Макс мог оплатить мое обучение и содержание, но купить мне пластику он не мог, а самой не удавалось даже похудеть, не говоря уже об изящности. Как раз в это время я окончательно переросла себя прежнюю и теперь была похожа на папу. Главное – неуловимо изменилась форма глаз, они вдруг стали глубокими и словно увеличились в размерах.

Я научилась «правильно» откидывать голову назад, что на экране в зависимости от ситуации означало любовь или ненависть, держаться прямо, либо глубоко дыша (волнение), либо не дыша совсем (спокойствие), картинно прикладывать руку тыльной стороной ладони ко лбу... Но дальше выражения эмоций при помощи лица и рук дело не пошло, тело не желало ни подчиняться, ни худеть. Мне категорически не

давались танцы и фехтование, моя пластика никуда не годилась, страшно мешала зажатость и сознание того, что я излишне упитанная.

И все-таки Эрик Петшлер пригласил меня сняться в эпизоде полнометражного фильма «Питер-бродяга». Я в настоящем кино – это почти исполнение мечты, казалось, от эпизодической роли до статуса звезды остался один шаг. Особых изысков с закидыванием головы или фехтованием в фильме не было, немного покрасоваться в купальнике, покривляться, якобы дразня главного героя, и все... Режиссер Эрик Петшлер не предъявлял высоких требований к игре, оператор Оскар Норберг не терзал нас новыми и новыми дублями, сняли довольно быстро, уже в декабре 1922 года состоялась премьера.

Мама скрывала слезы в темноте кинозала, но я видела, что она плачет. Ее Кета стала актрисой! В том, что я буду звездой, мы все тогда не сомневались. А как же иначе?

Успех? Ничуть, вряд ли кто-то кроме моих родных и знакомых заметил крайнюю справа девушку в купальнике, излишне болтливую от смущения.

Несмотря на занятия, я ничего не умела и страшно смущалась. Чтобы снять зажатость и искоренить застенчивость, одного старания мало. Но педагогам некогда возиться со смущающейся девушкой, такие в актрисы не идут. Благодаря симпатичной внешности роли в эпизодах мне были бы обес-

печены, может, даже крошечные роли второго плана, но не больше.

Так и осталась бы никем, не встретить мне Мориц Стиллер, мой ангел-хранитель.

Мои Пигмалионы

Если кто-то из молоденьких девушек, мечтающих о славе звезды Голливуда, считает, что достаточно иметь симпатичную внешность и актерские данные, то сильно ошибается.

Во-первых, ни одна самая примечательная внешность эталоном сама по себе не является, ее нужно обрабатывать. Мою тоже.

Ни одна из звезд не есть цветок, пересаженный на почву «фабрики звезд», они все **ВЫРАЩЕНЫ** там, созданы. Для начала селекционированы, потом жестоко ограничены во всем, часто «перелицованы» в буквальном смысле этого слова (большинству актрис-звезд что-то поправляли), перевоспитаны и поданы с соответствующим гарниром ролей.

Это неизбежно. Мало кто из актрис остался с собственной внешностью, и чье амплуа совпадало бы со своим характером. Какой быть, решала студия, покупавшая не только твою внешность, но и саму душу. Полное подчинение и послушание.

Девочки, мечтающие о карьере звезды экрана, учтите это, не думаю, чтобы подход сильно изменился. Пусть сколько угодно твердят, что актеры ныне вольны выбирать себе все от гримера до студии. И тогда могли, но только звезды. Думаю, старлетки и сейчас не вправе.

Нужно немного объяснить, что такое Голливуд первой половины века. Тот Голливуд, о котором грезили миллионы по всему миру, тогда только рождался. Где-то за год до нашего со Стиллером приезда в США слились три кинокомпании, образовав «Метро-Голдвин-Майер» – МГМ, быстро ставшую лидером всего кинопроизводства Америки и мира. Энергичный Майер набирал новый персонал для расширения производства, а потом приглашал приглянувшихся актеров, режиссеров, художников, композиторов – всех, кто чего-то стоил, работать в МГМ, обещая золотые горы.

Если честно, то для многих эти горы состоялись, но куда больше было таких, чье золото оказалось черепками, а то и вовсе обернулось трагедией.

Студийная система только складывалась, позже ее много ругали, утверждая, что она губительна, но в период, когда звуковое и цветное кино лишь зарождалось, особенно в годы Великой депрессии, именно эта система позволила выжить многим в киноиндустрии.

Студия заключала контракт с актером или актрисой, определяя еженедельную плату и обещая некоторое количество фильмов в год. Это удобно и неудобно одновременно и для студии, и для актеров. Зарплата даже при отсутствии съемок давала возможность как-то существовать, если на актера не было спроса. Обычно если снимали и не в эпизодах, то актеры получали еще плату за роли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.